

УДК-323.22(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2020-3-122-130

ПРОТЕСТ В ГОРОДАХ СИБИРИ: ОПЫТ ИЗМЕРЕНИЯ ФАКТОРОВ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ

Юрий Пустовойт

Сибирский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (Новосибирск)

Аннотация

Рассматривается совокупность условий, стимулирующих мобилизационную активность – способность протестных сообществ добиваться контроля над экономическими, идеологическими, политическими и социальными ресурсами. Опираясь на модель революции четвертого поколения Дж. Голдстоуна, таковыми предлагаем считать: эффективность правления (уровень городского благополучия), меру недовольства и элит (уровень формальной конкуренции), и представления протестующих о власти (уровень протестной идентичности). На основе оценки мобилизационной активности сибирские города (столицы регионов) рассмотрены в контексте названных факторов. Сделан предварительный вывод о том, что чем выше уровни городского благополучия и формальной (честной электоральной) конкуренции, тем выше мобилизационная активность и способность протестных сообществ устанавливать контроль над ресурсами и добиваться поставленных целей. Предложены основные компоненты, оказывающие влияние на формирование протестной идентичности («гнев», «выгода» и «враг»). Дальнейшее развитие мобилизационной активности будет приобретать различные формы. В наиболее благополучных городах, скорее всего, протестные сообщества либерального, социалистического и национально-патриотического типов станут элементом политической конкуренции и будут дополнять электоральную и символическую борьбу, сконцентрированную вокруг определенных лидеров и тем: социальной справедливости, экологии, правовой защищенности и ценностей либерализма. На другом полюсе (в неблагополучных городах) возможны кратковременные ситуативные вспышки протеста, организованные вокруг конфликтов по поводу национально-государственных, религиозных или социалистических идеалов. Мобилизационная активность здесь будет минимальная, что не исключает активных уличных мероприятий и, как следствие, возможных кадровых перестановок при относительной стабильности властных коалиций.

Ключевые слова: революции; городской режим; коалиции власти; протестное сообщество; Сибирь.

Рост масштабов, форм и степени радикальности уличного протеста, происходящего во многих странах, служит показателем неэффективности и (или) несправедливости формальных и неформальных, публичных и непубличных способов разрешения социальных противоречий. Здесь основным актором выступает «протестное сообщество» – совокупность индивидов, объединённых общей реакцией неприятия той или иной ситуации. Уличный протест – неинституциональная форма борьбы, конфликта, в которой нет устойчивых правил, и всегда существует возможность применения насилия любым из участников. Эти составляющие (отсутствие обоюдно соблюдаемых правил и риск применения физической силы к оппонентам) отличают уличный протест от нормативной сферы политического противостояния, регулируемой правом и законодательством (парламентские дебаты, выборы и суды) и от неформатизированного, но относительно мирного уничтожения оппонентов в ходе публичных дискуссий, публицистики, клеветы, диффамации, пропаганды, интриг и непубличных переговоров.

Эмпирической базой исследования являются более 50 интервью в Новосибирске, Томске, Барнауле, Кемерово, Новокузнецке и Абакане, опыт наблюдения 9 митингов, 8 фокус-групп. Обычно беседа состояла из пяти ключевых блоков (биография, проблемы города, оценка организации протеста, мотивация участников, перспективы на будущее); аудиозапись прослушивалась каждым из участников исследовательской группы и полученные сведения обсуждались и верифицировались. Мы фокусировались на происходящем в сибирских городах-столицах регионов. Исключение сделано для Новокузнецка, города, претендующего на занятие позиции политического, социального и куль-

турного центра региона. Вне последних решений по изменению состава округов мы к Сибири по-прежнему относим г. Улан-Уде и Читу, так как на момент начала исследования они входили в состав Сибирского федерального округа.

В этой статье мы предлагаем рассмотреть проблему выделения и измерения факторов, лежащих в основе мобилизационной активности, понимаемой вслед за Ч. Тилли (Тилли, 2019: 21) как способности протестных сообществ добиваться контроля над экономическими, идеологическими, политическими и социальными ресурсами. Прежде чем перейти к изложению основных компонентов нашего исследования, необходимо пояснить тот комплекс методологических и методических проблем, с которыми мы столкнулись, и те решения, которые мы приняли по их преодолению. Они не идеальны, и мы рассматриваем собственные результаты как предварительные и, разумеется, будем к ним возвращаться на следующих этапах работы. Тем не менее, считаем, что выбранное нами направление обладает хорошими перспективами в построении прогностических моделей, объясняющих рост и снижение уличных, неинституализированных форм политической борьбы.

Первая трудность – теоретическая. По поводу протестов очень много работ, которые проделаны в различных жанрах, опираются на самые разные парадигмальные обоснования. Вторая трудность – эмпирическая, как вообще можно оценить частоту и масштаб выступлений на основе универсальных критериев. Третья трудность – интерпретация результатов протеста (привел ли протест к каким-либо изменениям, и что, собственно говоря, изменилось в институтах, нормах, судьбах протестующих после того, как закончилась активное противостояние).

На ранних этапах исследования, сделав анализ публикаций по этой проблеме, мы взяли за теоретическую основу ключевые элементы революционных концепций. Это не значит, что каждый протест рассматривается как маленькая революция, но мы считаем допустимым использовать уже разработанный категориальный аппарат для выдвижения гипотез и операционализации зависимых и независимых переменных. В качестве теоретической основы в настоящий момент мы остановились на работе Дж. Голдстоуна о революциях четвертого поколения. Во-первых, она ближе всего к нам по времени (2006г.) и включает критический разбор предыдущего комплекса теорий. Во-вторых, автор делает, на наш взгляд, достаточно органичный синтез основных направлений анализа революций, социальных движений и протестов, заимствуя ряд идей у МакАдама и Терроу (Голдстоун, 2006: 61). В-третьих, предлагает прогностическую модель экстраординарных событий различных масштабов от государственно-национальных до организационных. В ее основе – эффективность правления (способность государства воспроизводить социальные институты и соответствовать культурным ожиданиям), мера недовольства и степень конкуренции элит, представления протестующих о режиме (Голдстоун, 2006: 101–103). Соответственно, нам остается перенести эту модель на городской уровень, перевести в переменные, найти систему индикаторов, позволяющих оценить эти параметры, и через сопоставления с имеющимися эмпирическими данными сделать вывод о возможных вариантах взаимодействия властного режима и протестных сообществ. Эффективность правления предлагаем определять через уровень городского благополучия, конфликт элит – через данные о степени формальной и неформальной конкуренции элит, представления протестующих о режиме – через степень преданности протестной группе или идентичность, которую, опираясь на идеи Дж. Голдстоуна и М. Дуглас, можно выявить и описать через биографические нарративы, полученные в ходе нашего эмпирического исследования.

Вторая трудность связана с оценкой масштаба и частотой выступлений. Мы предприняли ряд безуспешных усилий для того, чтобы получить доступ к полицейским отчетам и данным по муниципалитетам, но этот путь пока закрыт для рядового исследователя. Определенную оценку масштаба протеста, степени организованности протестующих можно получить, сопоставив акции, проходящие в одно и то же время по всей России. Когда по всей стране проводятся митинги против повышения пенсионного возраста или в поддержку А. Навального, данные, опубликованные в СМИ¹, позволяют дать, хотя и несовершенное, но более или менее адекватное представление об уровне протестной активности в разных городах. С этим обстоятельством, отсутствием точного инвариантного критерия, во многом и связано наше решение ограничиться городами Сибири, так как в этом случае мы можем

¹ 12 июня на улицы вышло больше людей, чем 26 марта (2017) Карта протестов «Медузы» и «ОВД-Инфо». Самые полные данные, URL: <https://meduza.io/feature/2017/06/13/skolko-lyudey-protestovali-12-iyunya-i-skolko-zaderzhali> (дата обращения: 02.11.2019).

Акции протеста в день выборов. Хроника. Как в России протестовали против повышения пенсионного возраста (2018) *Медуза*. URL: <https://meduza.io/live/2018/09/09/aktsii-protesta-protiv-pensionnoy-reformy-v-den-vyborov-hronika> (дата обращения: 02.11.2019).

сравнить те оценки, которые дают СМИ, с нашими наблюдениями на митингах (они не всегда совпадают с опубликованной информацией, особенно, когда речь идет о численности, тональности и успешности выступлений), рассказами информантов и респондентов. Пока у нас нет точных и универсальных оценок проявлений различных типов протестов, считаем использование точного математического инструментария малопродуктивным и больше ориентируемся на качественные методы получения и анализа данных.

Основной переменной в нашем исследовании выступает понятие мобилизационной активности. В теории Ч. Тилли масштаб коллективного действия является функцией от меры ее общих интересов (преимуществ, которые группа получает в результате взаимодействия с другими), интенсивности ее организации и мобилизации (наличия уже имеющихся ресурсов, находящихся под коллективным контролем) (Тилли, 2109: 123). Высокая мобилизационная активность означает, что протестное сообщество уже обладает определенным опытом и ресурсами, позволяющими им добиваться своих целей и выдвигать новые инициативы.

Если оценить мобилизационную активность, то высшую оценку на конец 2019 г. – «4» (митинги по общероссийской и локальной повестке проходят регулярно, есть относительно стабильное «ядро» активистов, события обсуждаются в городских, региональных и федеральных СМИ) получают Новосибирск, Иркутск. Оценку можно подтвердить следующими фактами:

- числом регулярных сообщений в СМИ, посвящённых митингам в этих городах, она в целом совпадает с нашими наблюдениями, хотя, как было выше отмечено, иногда есть расхождения;
- систематической работой активистов (обычно они называют себя «общественники»), комментирующих решения властей и в местных СМИ, и на своих онлайн-площадках;
- составом (числом депутатов из лиц, публично критикующих решения действующей власти) и активностью официального депутатского корпуса, часть из которого принимает непосредственное участие и в митингах, и в пикетах;
- опытом победы на конкурсных выборах над противником, в той или иной форме поддерживаемым федеральным центром (обычно администрацией Президента).

Здесь есть популярные СМИ, регулярно предоставляющие возможности высказывания оппозиционных взглядов и мнений (например, один из самых популярных в Сибири ресурсов «Тайга - инфо» с высоким индексом цитирования¹). Есть серии протестных мероприятий (например, митинги за отмену повышения тарифов ЖКХ), которые закончились победой протестующих. Митинги проходят регулярно, организаторы доступны для интервью, время от времени известные бизнесмены публично оказывают поддержку кандидатам и политикам. Практически нет случаев репрессий на публичных мероприятиях, давление силовых структур на известных политиков и общественников приводит к скандалу.

Дальше, по мере уменьшения этих критериев, «3» – Омск, Томск, Красноярск, Абакан. В последнем практически нет уличных протестов, но в 2018 г. протестные настроения выразились в форме голосования против действующего губернатора от партии власти. Оценка «2» – Барнаул, Чита (здесь у нас, к сожалению, минимум данных, и ситуация имеет прямо противоположные оценки), Улан-Уде, Новокузнецк. «1» получают г. Кемерово, Горно-Алтайск, Кызыл. Признаем, что на этом этапе исследования предложенная нами система оценок и эмпирических индикаторов выглядит достаточно грубо, тем не менее, она позволит нам выдвигать гипотезы и по мере пополнения данными вносить дальнейшие уточнения.

Уровень городского благополучия (эффективность управления)

Уровень городского благополучия мы предлагаем реконструировать на основе общероссийских городских исследований, регулярно публикуемых институтом «STRELKA». Ориентируясь на результаты этих работ, можем оценить благополучие на основе трех критериев: богатства и самостоятельности, качества городской среды и привлекательности города для выпускников вузов. В этом случае, если в городе есть достаточный объем средств, позволяющий решать любые кризисные ситуации, и достаточная доля бюджетных поступлений, качественная городская среда и город привлекателен для выпускников вузов, то он заслуживает оценки «9» баллов (3+2+4), если город бедный, не

¹ ТОП-20 самых цитируемых СМИ Новосибирской области 2019 г. Медиалогия. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/7175/> (дата обращения: 25.04.2020).

получающий помощи из федерального бюджета, с плохим качеством городской среды и явный аутсайдер в рейтинге первого рабочего места для работы – «3» (1+1+1).

Учтем, что первый критерий оценивается по трехбалльной шкале (от благополучия и самостоятельности к благополучию и несамостоятельности и далее к неблагополучию и самостоятельности) (Богатство и самостоятельность..., 2017). Второй по двухбалльной «комфортная» (2) и «плохая» (1) (Индекс качества..., 2019). Третий – по четырехбалльной от городов лидеров (4 – комфортная и недорогая жизнь с хорошими перспективами работы), к городам «клондайкам» (3 – меньше комфорта, но высокие заработки и низкие цены), пансионатам (2 – расслабленная и дорогая жизнь без особых шансов на карьере) и аутсайдерам (1 – все дорого и плохо) (Куда податься..., 2019).

Например, Новосибирск по этой системе оценок получит «6». Благополучный, самостоятельный город (3), с плохим качеством городской среды, как и все сибирские города (1), и город-пансионат (2). Последняя оценка, хотя серьезно понижает позиции города в нашем рейтинге, но, возможно, не является значимой при анализе мобилизационной активности. Остальные города будут расположены в следующем порядке: Томск (8), Иркутск (8), Красноярск (7), Абакан (5), Кемерово (5), Новокузнецк (5), Омск (5), Чита (5), Горно-Алтайск (4), Кызыл (4), Улан-Уде (3), Барнаул (3). Поясним, что согласно приведенным оценкам, в Сибири из взятых нами городов нет городов с благоприятной средой (все получают оценку 2). К богатым и самостоятельным относятся Новосибирск, Красноярск, Томск, Иркутск (3 балла), к бедным и самостоятельным – 1 балл (не хватает средств и нет помощи из федерального бюджета) Омск, Барнаул, Чита, Улан-Уде. Остальные – богатые и несамостоятельные (оценка – 2). Понятно, что в нашем случае, благополучие – результат взаимодействия множества структурных и конъюнктурных факторов, и зависит оно может от численности населения, географического положения, структуры экономики до условного веса условного губернатора в администрации президента.

На этом этапе исследования для нас важно расположить изучаемые города в рамках некоторого континуума от наиболее благополучных (Томск, Иркутск) до самых неблагополучных (Кызыл, Горно-Алтайск, Улан-Удэ, Барнаул) и понимать, что здесь благополучие не подразумевает оценки принимаемых решений, а показывает сложившуюся ситуацию в сравнении с другими городами, имеет долгосрочные тенденции (город-аутсайдер не так просто превратить в город-лидер) и не имеет прямой связи с протестами, которые сопоставимы по числу участников в общефедеральных акциях в Иркутске (4) и Барнауле (9). Тем не менее, отметим, что города на полюсах континуума (самые благополучные и самые неблагополучные) в целом отличаются мобилизационной активностью (исключение – город-пансионат Новосибирск). Чем выше уровень городского благополучия, тем выше мобилизационная активность, способность протестных сообществ устанавливать контроль над ресурсами, добиваться поставленных целей. Последнее, хотя и противоречит обыденным представлениям о протесте, но вполне объяснимо в рамках парадигмы коллективного действия, где в основе протеста – конфликт интересов, рациональные цели и борьба за перераспределение ресурсов между акторами.

Не столько ухудшение жизненных перспектив вследствие социально-политического кризиса вызывает разочарование и раздражение, что приводит к стрессовому состоянию и разрядке через участие в протестных акциях, как считали Г. Блумер и Т. Гарр, а напротив, значительное увеличение ресурсов становится стимулом к их перераспределению через организационные усилия, как объясняют эти процессы Ч. Тилли, С. Терроу, Д. МакАдом (Казенин и Королева, 2018: 12–20).

Уровень формальной конкуренции элит (конфликт элит и способы их разрешения). Теоретическими рамками для описания формирования и функционирования властных отношений в городе для нас выступает концепция городских режимов К. Стоуна. Режим определяется К. Стоуном как «совокупность договоренностей или отношений (формальных и неформальных), с помощью которых осуществляется управление общностью» (Ледяев, 2012: 163). Они и реализуются в действиях акторов, образующих правящую коалицию, неформальную, но относительно стабильную группу, имеющую доступ к институциональным ресурсам, обеспечивающим им устойчивую роль в принятии решений. В настоящий момент действующие во многих российских городах властные коалиции (городские режимы по К. Стоуну), хотя не в полной мере отвечают выделенным американскими политологами критериям, тем не менее, представляют собой нестабильные, построенные на личных и корпоративных интересах, но вполне устойчивые в пределах несколько превышающих электоральный цикл, объединения держателей административных и экономических ресурсов (Чирикова и Ледяев, 2017; Пустовойт, 2019). Коалиция возникает как объединение вокруг решения центральной проблемы, обуславливающей политическую повестку и способной сконцентрировать ресурсы для ее решения. Мобилизовать усилия через представление селективных благ удается не всегда, поэтому обычно

наиболее стабильным является «режим роста», остальные типы режимов (режим «статус кво», прогрессивный режим среднего класса, режим расширения возможностей бедных слоев населения) встречаются крайне редко. Seriously бросить вызов действующей властной группе (стать реальной оппозицией) – значит не просто выражать недовольство, но и быть способным создавать не менее эффективную коалицию, сформировать новые механизмы координации и обладать способностью править. Режим не возникает автоматически, а требует постоянных усилий и переформирования договоренностей (Stone, 1989: 227–229).

Здесь мы исходим из предположения, что конфликт элит минимальный, если возникающие между ними противоречия могут быть решены в открытой конкурентной борьбе по правилам, и максимальный, если сложившаяся властная практика ее ограничивает. Сосредоточим внимание на случаях смены действующей коалиции в ходе выборов (демократичности по А. Пшеворскому), честности при подсчете голосов (отсутствие фальсификаций, оцениваемое через критерий Шпилькина¹) и развитии медиасферы (измеряемое соответствующим индексом) в региональных столицах². Условимся что в городах, где представители оппозиционных партий и объединений в течение последних пяти лет участвуют в электоральной борьбе и серьезно оспаривают (выигрывают выборы или проигрывают с разрывом менее 10%) позиции в законодательных и исполнительных органах власти, получают оценку «3». Это города Иркутск, Новосибирск, Абакан. Оценка «1» – доминирование одной коалиции власти (Омск, Томск, Кемерово, Новокузнецк, Чита, Улан -Уде, Горно-Алтайск, Кызыл). «2» – неопределенная ситуация (Красноярск, Барнаул). Если нет сомнений в честности голосования (по статистическим критериям, по сообщениям в СМИ, по рассказам информантов) – оценка «2», если есть – «1». Традиционно честный подсчет голосов отмечен в Томске, Новосибирске, Красноярске, Омске, Иркутске, Барнауле, Чите, Абакане. Есть серьезные сомнения по объективному подсчету голосов в городах: Кемерово, Новокузнецк, Горно-Алтайск, Улан -Уде и Кызыл.

Отчет «Индекс развития медиасферы – 2018. Динамика институционального развития средств массовой информации в субъектах РФ верхнего уровня» дает возможность в зависимости от интегрального индекса (рассчитанного на основе слияний 5 индексов-условий осуществления деятельности, состояния стейкхолдеров, аудитории СМИ, медиасубъектов и медиаконтента) дает возможность дать оценку состояния местных медиа от «1,5» (класс А) к «0» (класс D). Меньший вес оценки (0,5 баллов) связан с тем, что в условиях сравнительной близости регионов, наличия возможностей обращения к общесибирским авторитетным СМИ, общения в соцсетях, получение качественной информации не составляет особых проблем. Здесь к группе «А» (наиболее развитые регионы: есть развитая инфраструктура, власть и бизнес активны во взаимодействии с обществом через СМИ, и есть запрос на качественную информацию) относятся, соответственно региону, Новосибирск и Красноярск (1,5), к группе «В» (сравнительно развитые) – Томск, Иркутск, (1), к группе «С» (0,5) (слабо развитые) – Омск, Барнаул, города Кемеровской области, Абакан и к группе «D»(0) (неразвитые: слабая инфраструктура, организации пассивны, независимые СМИ подавляются, информация некачественная) – Чита, Горно-Алтайск, Улан-Уде, Кызыл.

Общая оценка формальной и неформальной конкуренции элит выглядит следующим образом: Новосибирск (6,5), Иркутск (6), Красноярск (5,5), Абакан (5,5), Барнаул (4,5), Томск (4), Омск (3,5), Кемерово (2,5), Новокузнецк (2,5), Чита (2), Улан-Уде (2), Горно-Алтайск (2), Кызыл (2). Таким образом, мы видим, что чем выше уровень формальной конкуренции (демократичность, честность, доступ к СМИ), тем выше оценка мобилизационной активности. Города, где мобилизационная активность оценивается на «6,5-4», названы в начале нашего списка, что опять-таки вполне объяснимо, если рассматривать протест как вполне рациональную борьбу за перераспределение ресурсов между элитами, которые, в свою очередь, укрепляют свои позиции через институционализированные каналы (выборы) и символическую борьбу. Протестные сообщества в этом случае получают определенный шанс на реализацию своих целей, заключая союзы с одними элитарными группами против других, их лидеры добиваются официального признания и в том или ином объеме способны влиять на формирование политической повестки.

¹ Шпилькин, С. (2011) Математика выборов–*Троцкий вариант*, 20.12.2011. №94. URL: <http://trv-science.ru/2011/12/20/matematika-vyborov-2011> (дата обращения: 10.02.2018). Овчинников, Б. (2012) Сто восемьдесят честных городов России – *Троцкий вариант*, 28.02.2011. URL: <http://trv-science.ru/2012/02/28/sto-vosemdesyat-chestnykh-gorodov/> (дата обращения: 10.02.2019).

² Отчет Индекс развития медиасферы – 2018. Динамика институционального развития средств массовой информации в субъектах РФ верхнего уровня в 2015–2018 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.msindex.ru/wp-content/uploads/2019/01/otchet-msindex-2018_final-na-sajt.pdf (дата обращения: 02. 11.1019).

Степень протестной идентичности

«По-видимому, протестная идентичность – чувство привязанности и преданности к протестной группе имеет в своей основе три источника. Во-первых, принадлежность к группе в значительной степени оправдывает и легитимизирует недовольство и гнев отдельных лиц, вызванные существующим порядком. Во-вторых, группа, если она обеспечивает конкретные выгоды, либо принимает результативные действия, защищая своих членов... В-третьих, само государство может создать или укрепить чувство оппозиционной идентичности, назвав какую-либо группу своим врагом, либо предприняв действия против этой группы...» (Голдстоун, 2006: 76).

Выделим основные маркеры формирования протестной идентичности: эмоциональную выразительность («0» – нейтральная, «1» – гнев), рациональный интерес (возможность увеличения индивидуальных капиталов, усиление своей социальной позиции – «0» – нет, «1» – есть) и «образ врага», где эмоциональная экспрессия и вопрос, «что делать с другими?», может оцениваться от 0 (другие – оппоненты, стратегия взаимодействия – борьба в сфере публичной политики по правилам) к 1 (другие – враги (в том значении, которое вкладывал в это понятие К. Шмитт), стратегия – борьба, в предельном варианте, до уничтожения). Гнев, выгода и враг (1+1+1) – так можно обозначить ключевые составляющие протестной идентичности.

Цитаты, разумеется, выбраны самые яркие и контрастные, из интервью, понятно, ничего не доказывают, но позволяют оценить эмоциональный накал и готовность к действию. Пока в литературе мы не встречали сильных кейсов автоматической обработки вербальных сообщений и ориентируемся на верификацию методами триангуляции, обсуждение и сопоставление оценок. Высказывания, приведенные ниже, можно рассматривать как определенный эталон максимальных оценок (ближе к 3) людей, чья жизнь (подробности биографии уточнялись и проверялись по другим открытым источникам) на протяжении долгого времени связана с организацией, освещением и участием в протестных мероприятиях.

«Я вот общалась с работниками ФСБ, у меня у подруги муж (называет серьезную должность). Эти люди по-другому мыслят, их голова по-другому устроена... Они считают, что враги кругом, что нам надо защищаться, подавлять очаги сопротивления, потому что это внутренние враги. Это всё враги народа, я – враг народа... Ты, говорю, отправишь своих детей на смерть? Он говорит: «Да». ...Мы были в Абхазии, у них там такая дача, где люди отдыхают, дача ФСБ. Это такой же каменный мешок с колючей проволокой, а за мешком враги». (Крупный сибирский город, лидер локального протестного объединения).

«И судья, ведь у неё на лице все написано, что она это все понимает. Когда Ксюшу сажали..., сидит судья, шесть человек свидетелей, независимых, которые даже близко не знают, ну мы в соцсетях искали, кто там был. Не было полной видеозаписи. Он понимает прекрасно. Стоит, краснеет, пыхтит, читает это постановление. Поставил между мной и собой пристава: наверное, подумал, что я ему сейчас в глотку вцеплюсь... Он («трусит» в ненормативной лексике). Он реально готов («испугался» в ненормативной лексике), потому что понимает, что он девушку в тюрьму отправляет совершенно незаконно...» (Средний сибирский город, лидер федерального объединения).

«В первый раз я столкнулся, что особо тебя слушать никто не собирается, игнорирование – это когда у нас произошел масштабный паводок там, где я живу, т.е. через меня, по сути, я работал в органах казначейства, через меня шли потоки, я видел, как на самом деле шло финансирование федеральным бюджетом с ликвидацией и на что, поскольку я на самом деле видел движение этих денег, и видел по бумагам, что на самом деле, ничего не делается, т.е. по бумагам идут миллионы, допустим, на восстановление трассы, а я хожу по этой дороге, т.е. там заложено, 1 170 кубометров горельника, а хожу каждый день по этой дороге на работу, и я вижу, что грязь собрали, навалили на нее и сверху присыпали этим горельником». (Индустриальный сибирский город, руководитель штаба).

«Ну отзывали лицензию, нам уже повесили два предупреждения, все нас тут уже похоронили... И в общем на нас писали много доносов, самые разные люди. Но тут убили предпринимателя, забили... Мы в эту историю влезли, а там выяснилось, ...что тот опер, который забил этого предпринимателя... к нам тетки пришли, сказали: «Мы давно жаловались на этого опера начальнику УВД... Что делает начальник УВД? Начальник УВД пишет письмо этому..., что вот, телекомпания такая-то расшатывает, подрывает авторитет органов власти и, в частности, силовых органов, распространяя всякую самую... Он оператору прям на камеру наговаривает, что «вы давно по зубам не получали? Вот сейчас и получите». Вот оно из этого же рождается (протест). (Средний сибирский город, журналист).

«... Потому что у либералов есть поддержка из-за рубежа и в том числе финансирование из-за рубежа. А у русского движения нет ни финансирования, ни поддержки, т.е. оно в общем-то никому не нужно, кроме нас... (называет город) был одним из немногих городов, где эти акции были в принципе разрешены. Кстати говоря, за все 10 лет у нас не было ни одной провокации, никаких драк, ничего... У нас работала волонтерская дружина, всех их мы обеспечивали опознавательными знаками и повязками. Они выводили людей, которые «бузотёрили», а потом это уже стало превращаться в культурный феномен в (городе), мы проводили кулачные бои, группы выступали...

Я поехал в Крым на референдум, потом поехал на Донбасс, несколько лет я туда эпизодически езжу. Видел революцию без прикрас, как она вообще выглядит и изнутри, видел и махновщину, и бандитизм, и вообще всё это. Откровенно говоря, я не хочу. Я не хочу в России ничего того, что я видел там. Не потому, что это плохо, т.е. я понимаю, что на Донбассе это было неизбежно, в Крыму это было просто нужно... (Крупный сибирский город, лидер протестного объединения).

Протест начинается с эмоциональной реакции, обычно обозначаемой как возмущение. «Мь», актуализированный базовый фрейм, рамки восприятия ситуации лежат в основе осознанной или неосознанной групповой идентичности, с которой отождествляет себя индивид и которая для него представляет определенную ценность (иначе бы не было реакции). Мы не уловили здесь особых различий по городам, если и есть более сильные и более слабые проявления эмоций, то скорее они связаны с личными характеристиками интервьюируемого.

«Выгода», рациональный интерес, усиление социальных позиций, карьера – вообще табуированные темы в сообществах. Фрейм «моральной чистоты» и отказа от материальных личных выгод здесь выступают как доминирующие, что вообще-то не удивительно, учитывая, что базовые социальные слои для сообщества находятся скорее внизу стратификационной структуры. Понятно, что это существенно затрудняет организацию, так как для работы требуется, как минимум, время и средства на организацию каких-либо действий. Элитные коалиции легко решают вопросы с эффективной мотивацией и включением новых членов через неформальные сговоры и распределения селективных благ, что всегда сложно удается в протестных объединениях, учитывая неформальный запрет на поддержку, данный местным бизнесменам и формальный на получение финансирования из иностранных источников. Здесь в большинстве случаев рациональный интерес мы оцениваем как «0».

Действия властей, направленные на исключение протестных сообществ из институционального и символического поля, точечные репрессии, создание лояльных власти городских сообществ дают ограниченные эффекты, так как не решают тех вопросов, которые лежат в основании «основной темы», базового фрейма сообщества. В каждом городе эти сообщества представлены различными штабами, проводят, чаще всего, отдельные друг от друга (но иногда совместные) мероприятия.

Протестные сообщества, попавшие в фокус нашего внимания, представляют собой объединения, которые в рамках теории М. Дуглас (Douglas, 1982) можно обозначить как «анклавы раскольников». Для них характерны добровольное подчинение групповым целям (чувство «мы», формируемое как противопоставление другим), провозглашаемое равенство и неочевидность действующих правил и норм вследствие отсутствия общепризнанных авторитетов (нулевая разметка). Обычный механизм поддержания группового порядка – исключение. Здесь в каждом сообществе своя специфика: либертарианцы больше подчеркивают собственный индивидуализм и конкуренцию, свободу от групповых норм (идентичность в большинстве интервью ближе к 1), близкие к социалистическим и националистическим партийным организациям – иерархию и порядок, четкое организационное взаимодействие (идентичность ближе к 3). Это хорошо проявляется в высказываниях лидеров, которые в ситуации отсутствия устойчивых норм обладают некоторой монополией на интерпретацию ситуации, принятия решений и определение действующих правил. Отметим, что совместные митинги с идеологическими оппонентами также проходят чаще в крупных благополучных городах.

В дальнейшем в городах, уже имеющих достаточно высокий уровень мобилизационной активности (Иркутск, Новосибирск, Красноярск, Томск и с недавних пор Абакан) мобилизационная активность предположительно будет расти. При отсутствии серьезных потрясений на федеральном уровне и экстраординарных событий на местном (природных катаклизмов и катастроф) политическая борьба скорее сместится в электоральное и символическое поле. Уличная политика будет весомым дополнением, демонстрацией силы, способом объединения вокруг идей и лидеров всех трех направлений (государственно-патриотического, социалистического и либерального). Основой солидарности будут темы социальной справедливости, экологии, правовой защищенности. Действующая коалиция власти скорее сохранит свое доминирующее положение, но суммарно количество депутатских мест, полученных политиками, отождествляющими себя с оппозицией, будет больше, чем сейчас. Наиболее

интересными в исследовательском плане будут Омск, Барнаул и Чита, города, где при достаточно устойчивых властных коалициях и отсутствии налаженных механизмов формальной конкуренции элит, складывается сложная социально-экономическая ситуация.

На другом полюсе, в городах Кемеровской области, Улан-Уде, Горно-Алтайске и Кызыле скорее мобилизационная активность будет минимальной, хотя и возможны ситуативные краткосрочные проявления уличной активности, организованные по поводу «поругания» национально-государственных, религиозных (этнических) или социалистических идеалов и экологические проблемы. Здесь возможны некоторые кадровые перестановки, но в целом властные коалиции удержат позиции.

Таковы предварительные результаты. В дальнейшем мы планируем в рамках выбранного теоретического подхода уточнить переменные и найти более точные их количественные показатели, позволяющие использовать математический аппарат для построения более обоснованных выводов установления достаточных и необходимых условий политического протеста. Значимым направлением будет работа с показателями «протестной идентичности» и совершенствованием методов работы с аудио- и видеоматериалами материалами интервью и выступлений. И, разумеется, необходимо показать и объяснить связи между переменными. Но это следующий этап работы, а пока жизненные реалии и политическая активность в исследуемых городах укладываются в выделенные нами тенденции.

Финансовая поддержка

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта «Как создается протест? Пространства, символы и лидеры протестных сообществ в городах Сибири» № 18-011-00866.

Библиографический список

- Богатство и самостоятельность: что делает бюджет города устойчивым* (2017), STRELKA KB [электронное издание]. URL: <http://citybudget.strelka-kb.com/> (дата обращения: 22.12.2019). [*Wealth and independence: what makes the city budget sustainable* (2017) [Bogatstvo i samostoyatel'nost': chto delaet byudzhет goroda ustoichivym], STRELKA KB [online]. Available at: URL: <http://citybudget.strelka-kb.com/pdf> (Accessed: 22th December 2019). (In Russ.)].
- Голдстоун, Дж. (2006) 'К теории революции четвертого поколения', *Логос*, 5, сс. 58–103. [Goldstone, J. (2006) 'On the theory of the fourth-generation revolution' [K teorii revolyucii chetvertogo pokoleniya], *Logos*, 5, pp. 58–103. (In Russ.)].
- Индекс качества городской среды — инструмент для оценки качества материальной городской среды и условий её формирования* (2019), ДОМ. РФ [электронное издание]. URL: <https://xn--d1achkmla.xn--d1aqf.xn--p1ai/search/city/7> (дата обращения: 22.12.2019). [*The urban environment quality index is a tool for assessing the quality of the material urban environment and the conditions for its formation* [Indeks kachestva gorodskoi sredy — instrument dlya otsenki kachestva materi-
- al'noi gorodskoi sredy i uslovii ee formirovaniya], *ДОМ. РФ* [online]. Available at: URL: <https://xn--d1achkmla.xn--d1aqf.xn--p1ai/search/city/7> pdf (Accessed: 22th December 2019). (In Russ.)].
- Казенин, К. И., Королева, М. Н. (2018) *Социология общественных движений — основные подходы*. Москва: РАНХиГС. [Kazenin, K. I., Koroleva, M. N. (2018) *Sociology of social movements - basic approaches* [Sotsiologiya obshchestvennykh dvizhenii — osnovnye podkhody]. Moscow: RANEPА. (In Russ.)].
- Куда податься: лучшие города для первой работы привлекательность городов для выпускников вузов* (2019), STRELKA KB [электронное издание]. URL: <https://gradurating.strelka-kb.com/> (дата обращения: 22.12.2019). [*Where to go: the best cities for the first job attractiveness of cities for graduates* (2019) [Kuda podat'sya: luchshie goroda dlya pervoi raboty privlekatel'nost' gorodov dlya vypusknikov vuzov], STRELKA KB [online]. Available at: URL: <https://gradurating.strelka-kb.com/pdf> (Accessed: 22th December 2019). (In Russ.)].
- Ледяев, В. Г. (2012) *Социология власти: теория и опыт эмпирического исследования власти в городских*. Москва: ИД

НИУ ВШЭ. [Ledyayev, V. (2012) *Sociology of power: theory and experience of empirical research of power in urban communities* [Sotsiologiya vlasti: teoriya i opyt empiricheskogo issledovaniya vlasti v gorodskikh soobshchestvakh]. Moscow: HSE. (In Russ.)].

Пустовойт, Ю. А. (2019) 'Как создается режим: властные коалиции в сибирских городах', *Полис. Политические исследования*, 4, сс. 104–118. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.08> (дата обращения: 22.12.2019). [Pustovoyt, Yu. A. (2019) 'How the regime is created: power coalitions in Siberian cities' [Kak sozdaetsya rezhim: vlastnye koalitsii v sibirskikh gorodakh], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 4, pp. 104–118. (In Russ.)].

Тилли, Ч. (2019) *От мобилизации к революции*. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 432 с. [Tilly, Ch. (2019) *From Mobilization to Revolution* [Ot mobilizatsii k revolyutsii]. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki», 432 p. (In Russ.)].

Чирикова, А. Е., Ледяев, В. Г. (2017) *Власть в малом российском городе*. Москва: Издат. дом Высшей школы экономики. [Chirikova, A. E., Ledyayev, V. G. (2017) *Power in a small Russian city* [Vlast' v malom rossiiskom gorode]. Moscow: HSE. (In Russ.)].

Douglas, M. (1982) *In the Active Voice*. London; Boston: Routledge and Reagan Paul with Russel Sage Foundation, 202 p.

Stone, C. N. (1989) *Regime Politics: Governing Atlanta, 1946–1988*. Lawrence: University Press of Kansas.

Информация об авторе

Пустовойт Юрий Алексеевич – к. полит.н., доцент, кафедры политических наук и технологий, факультет политики и международных отношений, Сибирский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». E-mail: pustovoyt1963@gmail.com (ORCID: 0000-0002-0934-2723. ResearcherID: T-2766-2019).

Статья принята к печати: 30.06.2020

PROTEST IN THE CITIES OF SIBERIA: THE EXPERIENCE OF MEASURING FACTORS OF MOBILIZATION ACTIVITY

Yu. A. Pustovoyt

Siberian Institute of Management – the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk)

Abstract

The paper considers a set of conditions that stimulate mobilization activity. Based on the J. Goldstone's fourth-generation revolution model, the author proposes such stimuli: the effectiveness of government, the dissatisfaction and the elites, and the protesters' notion of the power. The author reviews protesting regions' capitals with these factors based on the assessment of mobilization. The preliminary results show that the higher the level of urban prosperity and of formal competition, the higher the mobilization activity and the ability of protest communities to establish control over resources and to achieve their goals. The main components influencing the protest identity ("anger", "profit" and "enemy") are proposed. Further development of mobilization takes various forms. In the most prosperous cities, it is likely for protest communities of liberal, socialist, and national-patriotic types to become an element of political competition and to complement electoral and symbolic struggle concentrated around certain leaders and topics: social justice, ecology, legal protection and values of liberalism. The other extreme (in dysfunctional cities) — short-term situational outbreaks of protest around national, state, religious or socialist ideals. The mobilization activity here is minimal, which does not exclude active street events resulting in possible personnel shifts with the relative stability of the power coalitions.

Keywords: revolutions; urban regime; coalitions of power; protest community; Siberia.